Глава 0115 заслужила единственную собаку. В морге не было ни звука, ни запаха формалина, заполняющего каждый сантиметр пространства. Время тоже, кажется, замерло и перестало течь.

Софора лежала на кровати в морге, покрытой белым саваном с головы до ног. Все богатство и статус, который у него был, тщеславие и женщины, особняки и роскошные автомобили, которые у него были, все, что он исчез.

Что даже король, у которого есть все, берет с собой, когда умирает?

Яма, куча грязи, вот и все.

Дверь в морг открылась, и в нее вошли мужчина и женщина.

Женщина одета в белое платье танга и держит в руках букет белых хризантем. Ей было около пятидесяти лет, но ее тело и кожа были хорошо ухожены, и она выглядела как женщина в тридцать лет, с очарованием, которое осталось. На ее лице не было ни малейшего выражения, а глаза были полыми.

Эта женщина - мать Софоры Кебинг, Тан Хуайю.

Самое болезненное для женщины - это потеря ребенка, и она находится в этой душераздирающей боли. Но она не была похожа на других женщин, она не плакала, она не горевала, она просто стояла перед кроватью морга и смотрела на своего сына, который был покрыт саваном, молчал, как восковая статуя, не издавая ни звука.

Тан Цзю, который сопровождал Тан Хуайю, молча оплакивал его в течение нескольких минут, и, наконец, он все еще не мог вынести этой странной атмосферы и осторожно сказал: "Старшая сестра, ты хочешь, чтобы я открыла это для тебя?".

Тан Хуайю не издал ни звука.

"Сестра?"

Только тогда Тан Хуайю издал звук "Хм".

Тан Цзю сказал: "Я открою ткань, тебе лучше увидеться с молодым господином".

Тан Хуайю кивнул.

Тан Цзю тщательно обнаружил одну из четырех копий плащаницы.

Лицо и шея Софоры Ке Бинг были раскрыты, лицо и шея были черными и пухлыми, полностью деформированными, как гриб. Его глаза были широко открыты от ярости, и он не мог умереть.

Тан Цзю сказал: "Летающие иголки и ядовитые дротики на теле Молодого Мастера - это все темное оружие, закаленное ядом из нашей Танской секты, я могу распознать их с первого взгляда". Однако я не сказал полиции, что у нас будут неприятности, если мы скажем им, что темное оружие было из нашей Тангской секты". После паузы он добавил: "Это то, о чем я спрашивал директора, и он также сказал не говорить полиции, что темное оружие наше, и не говорить полиции, какой яд несет молодой хозяин".

Тан Хуайюйу посмотрел на сына с большой головой на кровати морга и вдруг сказал:

"Ядовитые иглы нашей секты Тан, две иглы могут убить человека, а одна дротик может убить человека, почему этот убийца так много раз ударил ножом моего сына"? Так много дротиков? Скажи мне, как сильно он ненавидит моего сына?"

На этот вопрос Тан Цзю не смог ответить. Он чувствовал себя виноватым в своем сердце и не осмеливался смотреть в полые глаза Тан Хуайю.

Тан Хуайю снова спросил: "Новостей от старого предка еще нет?"

Тан Цзю снова покачал головой: "Пока нет".

"Небо вот-вот упадет? Потом рухнет". Тан Хуайю подумала про себя, когда подошла к кровати морга и положила кучу белых хризантем на грудь Со Кебинга, затем наклонилась и поцеловала Со Кебинга в лоб.

Гоа Кебинг ничего не почувствовал бы, и у него до сих пор были широко открыты глаза в гневе, он не мог закрыть глаза в смерти.

Тан Хуайюйю протянул руку помощи и прикрыл глаза Хуай Ке Бину и прошептал: "Сын, мать знает, что ты не хочешь, ты так одинок и несчастен на Желтой Весенней Дороге... Не волнуйся, мать отомстит за тебя, просто закрой глаза".

Она вытерла руки.

Злые глаза Софии Кебинг закрыты.

Тан Хуайю подтянул призрака и прикрыл лицо Хуай Ке Бина.

Через несколько секунд Тан Хуайю достала мобильный телефон и набрала номер, а когда звонок прозвучал, она задохнулась: "Сколько еще нужно бежать? Небо семьи Танг вот-вот упадет....."

После благотворительного ужина Нин Тао отправил в отель Чжао Ушуана и Фан Хуалу.

За этот благотворительный аукцион Нин Тао продал восемнадцать бутылок бальзама красоты на общую сумму сто восемьдесят тысяч долларов каждая. Но это еще не все средства, вырученные от благотворительного обеда, а также несколько щедрых пожертвований от богатых бизнесменов и знаменитостей после посещения больницы.

Богатый бизнесмен со старым заболеванием простаты, после лечения иглоукалыванием Нин Тао, в ванной, чтобы пописать с прямой линии в течение более трех десятилетий, в восторге, непосредственно пожертвовал миллион пожертвований. Богатый бизнесмен, у которого в ноге был тромб, после лечения иглоукалыванием Нин Тао, боль в больной ноге полностью исчезла, и его нога не хромает, также пожертвовал полмиллиона. Звезды, проверив чудодейственные методы исцеления Нинг Тао, также сделали щедрые пожертвования, достигнув в общей сложности 2,3 миллиона. С 1,8 миллиона долларов от продажи бальзама для красоты общий доход от благотворительного обеда составил 4,1 миллиона долларов, что стало полным успехом.

Нин Тао послал Чжао Ушуань к двери комнаты, в которой она остановилась, затем сказал Чжао Ушуань и Фань Хуалу: "Ушуань, брат Хуалу, уже поздно, вы, ребята, отдохните пораньше, я

тоже должен вернуться".

Фан Хуа флуоресцентно засмеялся: "Ты пересекаешь мост, мы с Ушуаном всю ночь были заняты благотворительным ужином, так что ты не собираешься выпить с нами?"

Нинг Тао был немного смущен: "Я волновался, что вы устали".

Чжао Ушуан улыбнулся и сказал: "Завтра утром я должен лететь в кинотеатр, чтобы снять фильм, редко можно увидеться, просто выпей со мной и поболтай перед уходом".

Нинг Тао сказал: "Хорошо, тогда я останусь с тобой выпить и поболтать".

Ван Вал сказал: "Я принесу вино, вы, ребята, идите первыми".

Нинг Тао сказал: "Хорошо, подожди тебя".

Чжао Ушуан открыл дверь своей комнатной карточкой, а за дверью находился внушительный президентский номер-люкс, а рядом с большим балконом находилась ванна с пузырьками, с которой можно было наслаждаться пузырьками, наслаждаясь видом на горный город. Только такая большая звезда, как она, может позволить себе такой номер, если бы Нин Тао остановился в отеле, он бы определенно выбрал самый дешевый стандартный номер.

"Брат Нинг, посиди немного, а я пойду переоденусь." Чжао Ушуан сказала, что она все еще носит платье для благотворительного обеда на своем теле, слишком яркое и формальное для чаепитий подруги.

Нин Тао сказал: "Вперед, приятная обстановка, я пойду на балкон и посмотрю".

Чжао Ушуан пошел в спальню переодеться, а Нин Тао вышел на балкон.

Ночное небо было чистым, как умывальник, темно-синее звездное небо, мерцающее звездами, как песчинки на пляже, и невозможно было сосчитать, сколько их было.

Первое, что я собираюсь сделать, это посмотреть на огромное звездное небо, но сердце Нин Тао размышляет о предстоящем переезде клиники на следующий день сбора арендной платы: "Маленький остров в долине рифта похож на гору костей, Тан Тянь Мань заслуживает того, чтобы быть злым лидером здесь, как только он умер, бамбуковая книга побудила меня переместить клинику, она работала по координатам места с большими свирепыми людьми?

Это предположение о "координатах", которое, в свою очередь, напоминало ему о таких местах, как Сирия, Сомали и Афганистан, сразу же сильно взбесило его.

Динь-дон, динь-дон.

"Брат Нинг, пожалуйста, открой дверь, я еще не переоделся." Голос Чжао Ушуана также вышел из спальни.

"Хорошо, я открою дверь, предположительно, это брат Флуоресцент с вином." Нинг Тао сказал, когда он подошел и открыл дверь.

За дверью стоял не Fan Huajuang, а официант отеля, который доставлял вино, он привез две бутылки вина, бутылку вина Lafite, хотя это не коллекция 86, 76 и так далее, но, по крайней мере, она стоит несколько тысяч. И бутылка виски, которая тоже не выглядит дешево.

Официант принес две бутылки вина, открыл вино и налил его в виночерпий, затем сказал "Сэр Наслаждайтесь" и ушел.

Нин Тао позвонил ему и спросил: "Могу я спросить, где человек, заказавший вино?".

Стюардесса отеля сказала: "Простите, я не знаю, сэр может еще что-нибудь сделать для вас?"

Нин Тао покачал головой, немного озадачен в сердце, Фан Вах бегло не сказал принести вина? Вино приходит и его нет. Что он задумал?

Стюардесса отеля вышла из комнаты и взяла дверь с собой, когда он уходил.

Звук шагов шел сзади, Нин Тао повернулся и перевернулся, он замер, и не знал, куда поставить глаза.

Чжао Ушуань превратился в кремообразную белую ночную рубашку, которая была рыхлой и мягкой по текстуре. Свет в комнате сиял на нее, а сливочно-белая ночная рубашка была похожа на туман, окутывавший две вершины горы, которые в любой момент будут рассеяны солнцем, открывая таинственный и великолепный пейзаж.

Хотя внутри пижамы было нижнее белье для защиты ключевых частей, но даже в этом случае для Нин Тао, который никогда не прикасался к женщине раньше, стимуляция была еще свежей.

Чжао Ушуан прорезала зубы и улыбнулась: "Подходит ли мне это для ношения?"

Нин Тао чувствовал, что это неуместно, но он не мог сказать это вслух и позволить другим пойти и изменить это, это было бы слишком претенциозно. Тем не менее, он быстро нашел оправдание: "Я пошел проверить, как там брат Флуоресцент, он заказал вино, и никто не пришел".

Была достигнута договоренность о том, что три человека будут пить, а теперь пьют два человека, что также является немного неуместной ситуацией.

Чжао Ушуан сказал: "Он занятой человек, может быть, он получил еще один звонок от какой-то крупной шишки с просьбой сформировать бюро, оставить его в покое, давайте сначала выпьем".

Она подошла к столу, подняла бутылку вина и налила два бокала красного вина, затем вернулась к Нин Тао и вручила ему бокал: "Брат, никогда не благодарил тебя как следует, этот бокал вина я подниму за тебя тост".

С щелчком шеи она проглотила содержимое своего стакана.

Нин Тао также успокоился, больше не думая о том, почему Фан Хуайлу не пришел, а также вылил красное вино из своего бокала.

Красное вино не было под кайфом от алкоголя, но сила вина быстро пришла, и на щеках Чжао Ушуань появился румянец, когда она повернула глаза. Ее кожа уже была достаточно белой, и с оттенком алого цвета у нее было ощущение, что у нее был разрыв.

Вино не пьют, все пьют, Нин Тао привлекает ее красота, а также у нее есть желание что-то сделать.

Двое мужчин сидели на диване и болтали во время выпивки, и вскоре бутылка вина была опустошена, а скотч закончился на треть. Нин Тао, конечно, не имел половины проблемы, особая духовная сила на его теле позволила ему иметь возможность по-настоящему выпить тысячу стаканов, не напившись, но Чжао Ушуан был пьян, нежное лицо и снежная шея была полна пьяного алого цвета, кожа, как цветущие вишни марта, свежая до крайности.

"Хватит с тебя, не пей больше, я отправлю тебя отдыхать". Нинг Тао сказал.

С теплым ароматом и мягким нефритом в руках, интенсивная стимуляция проникла сквозь каждый нерв Нинг Тао, и как будто в его маленьком животе загорелся огонь, сжигая его невыносимо, и он должен был найти что-нибудь, чтобы потушить огонь, чтобы было удобно.

Напротив, Чжао Ушуан протянул руку и зацепил шею, пару красных губ слегка приподняли, и его глаза были озадачены его прекрасными глазами.

Она ничего не говорила, но даже слепой человек мог видеть в этом знак поцелуя.

Этот сигнал, несомненно, вылил масло на огонь в маленьком животике Нинг Тао, заставив этот огонь гореть еще сильнее.

Рот Нинг Тао был сухим.

Поцелуй ее и .....

Очевидно, в этом нет ничего плохого.

Пробравшись внутрь на несколько секунд, Нин Тао внезапно подхватила Чжао Ушуань и направилась к своей спальне.

Чжао Ушуан лежал в руках, не открывая глаз, но взлет и падение груди были явно быстрее, чем сейчас, и его дыхание было явно короче. С этой реакцией она, казалось, понимала, что должно было произойти, и эти связанные с ней воображения и импульсы заставляли ее нервничать и стесняться.

Войдя в комнату, Нин Тао поместил Чжао Ушуан на кровать, натянул на нее чехлы, а затем развернулся и вышел из спальни.

Чжао Ушуан сел с кровати одним махом и открыл рот, чтобы взывать к нему, но губы снова медленно закрылись.

Выйдя из комнаты Чжао Ушуана, стоя в коридоре, Нин Тао остановился на своих путях, затем повернул и снова подошел к двери комнаты Чжао Ушуана, нерешительно подойдя к двери, которую он протянул и схватил за дверную ручку, чтобы открыть дверь, но обнаружил, что ни одна дверная карточка не может быть открыта вообще.....

"У тебя даже кишка тонка, ты заслуживаешь быть одинокой собакой и умереть с голоду." Это то, что сказал Нин Тао, но он даже не знал, говорит ли он это себе или части себя.

http://tl.rulate.ru/book/29303/858318